

Как про бедного сказать да про белого,
Про удалого сказать дородна молодца.
Он и ходит де, удалый добрый молодец,
На цареве то ходит большом кабаке,
На кружале он ходит государевом;
Он и пьет много, детина, зелена вина,
Он не чарою пьет, сам не стаканами,
Он откатывают бочки сороковочки;
Во хмелю то сам детина выпивается,
Из речей то Бутман сын вышибается:
«Уж я силушкою нонче царя сильней,
Уж я сметочкою царя посметливей».
Пригожались у царя люди придворные,
Как придворные люди – губернаторы,
Губернаторы, люди толстобрюхие;
Они скоро пошли, царю доносили:
«Уж ты ой еси, надежа православный царь,
Ты со ярости Петр сын Алексеевич!
У тя ходит на цареве большом кабаке,
На кружале то ходит государевом
Молодой сын Бутман да Колыбанович;
Он и пьет много, детина, зелено вино,
Он не чарою пьет да не стаканами,
Он откатывают бочки сороковочки;

Во хмелю ту детина выпивается,
Из речей то Бутман сын похваляется:
«Уж я силушкою нонче царя сильней,
Уж я сметочкою царя посметливей».
Как горяча его кровь да разгорелася,
Могучи его плеча да расходилися,
Не увидел бы надежа свету белого,
Он послал бы трех слуг да немилостливых,
Немилостливых слуг да нежалостливых:
«Как сковать его, связать да так ко мне тащить».

Как пошли они, палачи все буйные,
Подошли они, Бутману низко кланялись:
«Уж ты ой еси, Бутман сын Колыбанович!
Ты пойдём ко царю да на почестен пир,
Пировать столовать да яства кушати».
«Вы постойте ка, ребята, поманитесь же,
Уж я выпью же чару зелена вина,
Я не малую чару – полтора ведра».
Уж берет то он чару единой рукой,
Выпиват он чару единым духом.
Не окатила эта чара ретиво сердце,
Не взвеселила эта чара буйну голову:
«Мы теперича пойдём да на почестен пир».
Подошли они ко гриням богатырским,

Как во те же палаты белы каменны,
Он ставал перед царя да на резвы ноги,
Как на те же коленки богатырские:
«Уж ты ой еси, надежа православный царь,
Ты со яростью Петр Алексеевич!
Ты зачто меня зовешь да зачто требуешь?
Уже что же я тебе нонче наделал так?
Уже что я тебе да напрокучил так?»
Говорит то надежа православный царь:
«Уж ты ой еси, Бутман сын Колыбанович!
Уж ты ходишь на царевом большом кабаке,
На кружале ты ходишь государевом,
Уж ты пьешь же, Бутман, да зелено вино,
Во хмелю ты, детина, выпиваешься,
Во речах ты, детина, шибоват живешь:
«Уж я силушкою буду царя сильней,
Уж я сметочкою царя посметливей».
Засажу я тебя в стены каменны,
Я замкну тебя в замки окованы,
Я ссеку де, срублю у тебя буйну голову».
Говорит же Бутман сын Колыбанович!
«Ты попомни ка, надежа, сам подумай ка,
Когда был ты, надежа, во чужой земле,
Уж ты был во земле да во поганой же,

Как во той во орде да во проклятой же,
Тебя кто же оттуль тогда повыкупил,
Тебя кто же оттуль тогда повыручил,
Тебя кто же оттуль тогда на свет спустил?»
«Не пустым ты, детина, похваляешься!
Уж я много тебе дам да золотой казны,
Города тебе дам да с пригородками,
Я села тебе дам да со деревнями».
«Мне не надо твоя да золота казна,
Мне не надо города с пригородками,
Мне больши твои села со деревнями,
Только дай мне ка пить вина безденежно,
Как безденежно вина да бескопеечно».
Царь писал ярлыки да скоры грамоты,
Рассылал ярлыки на четыре стороны,
Чтобы пить ему вино безденежно,
Как безденежно, Бутману, бескопеечно.
Тут зашел то Бутман да во новый кабак,
Он и взял де он бочку под праву руку,
Он топнул де в пол да как правой ногой,
Как рассыпалась печь, печь кирпичная,
Как пошел де Бутман вон на улицу:
«Уж вы ой еси, голи все кабацкие!
У кого у вас болят нынь буйны головы,

Бутман Колыбанович

Выходите за мной да вон на улицу!»